

Дмитрий Донской: «За каждой фотографией своя история...»

Дмитрий Донской

Кадры Дмитрия Донского обошли весь мир. Ради его снимка однажды даже остановили тираж «Пари Матч». У него 161 международная награда. Он единственный в России обладатель престижного международного титула Excellence FIAP.

Полжизни снимал спорт. Потом ушел в политику – стал «личником» первого Президента России Бориса Ельцина, по сути, его тенью.

За каждой фотографией своя история – порой на грани фола.

– Дмитрий Абрамович, вы же родной племянник знаменитого советского режиссера Марка Донского. В него пошли ершистым характером?

– Я жил у него с 15 лет. Когда он сделал «Воспитание чувств» – мелодраму о любви учительницы Варвары (актриса Вера Марецкая) и революционера Сергея (его играл Даниил Сагал), был сначала показ для райкома партии. Там есть сцена, в которой героиня Марецкой спрашивает своим низким голосом Сергея: «Это кто такой, твой Ленин?» Секретарь райкома потребовал этот кусочек вырезать, а дядька мой уперся: «Ни за что!» Даже угроза, что придется положить на стол партбилет, на него не подействовала! А директор студии ему сказал: «Марк, я беру на себя! Везем в

Кремль показывать Сталину!» Усатый был в восхищении. Но договорились заранее ничего не говорить секретарю райкома.

– Интрига, однако!

– А в четыре утра в нашей квартире звонок. Я спал в кабинете дядьки и схватил трубку параллельного телефона, а там голос: «Марк Семенович? С вами хотят поговорить!» Слышу в трубке кашель курильщика: «Не могу уснуть. Но я придумал другое название для вашего фильма – «Сельская учительница». До сих пор это покашливание помню. На следующий день заседание в райкоме. В перерыве жена секретаря, завотделом культуры, берет дядьку под руку: «Марк Семенович! Ну что вы себе жизнь портите? Картина-то хорошая. Вырежьте эту сцену!» – «Я знаю, что хорошая, – отвечает Марк, – она очень понравилась Иосифу Виссарионовичу, и будет идти под названием, которое он сам предложил, – «Сельская учительница». Секретарь чуть не задохнулся: «Я секретарь райкома!» А дядька приспустил штаны и голую задницу ему показал: «Вот ты какой секретарь!!» А знаете, почему его из Москвы в Киев, на киностудию Довженко, отправили?

– Понятия не имею.

– Мой дядька считал, что его самый лучший фильм – «Алитет уходит в горы», он его сделал в 1950 году. В зале на просмотре были Сталин и Берия. Когда зажегся свет, Лаврентий обернулся к дядьке и сказал: «Два солнца одновременно всходить не могут!» (с грузинским акцентом). В фильме про Сталина ничего не было. На следующий день Марк уехал в Киев...

– А вы, я слышала, однажды ухитрились подраться с личным фотографом Цзян Цзэминя во время официальных переговоров на высшем уровне в Кремле, на глазах у обоих президентов чуть ли не врукопашную пошли!

– Съемка была протокольная, все фотографы выстроились, мы пришли заранее со вторым фотографом, моим тезкой. Вбежали китайцы, ростом нам по пояс. Начали толкаться. Все места

заняты. Никто не уступает. А рядом с нами было просторнее. Вот к нам они проникли и устроились у нас между ног. Смотрю: у меня голова китайца оттуда вылезает. Я по этой голове дал, и он исчез. А Димка просто ноги сомкнул. Борис Николаевич спрашивает: «Что у вас тут происходит?» Характер у меня хреновый.

– Можете постоять за себя?

– В десятом классе меня отлупили под нашими окнами трое. Били прутами железными из-за девушки. Меня спасла дубленка. Но я свалился. Приехал дядя Ледя (Леонид Утесов): «Что с Димкой?» Я объяснил, а он возмутился: «Что ж ты, отбиться не мог?» Позвонил своему другу-одесситу, который был тренером по боксу. Тот обучал меня уличной драке, я его всю жизнь вспоминаю. Но надо же тренироваться. У приятеля дома висела груша. Он жил рядом с кинотеатром «Уран». Мы шли, когда заканчивался сеанс, против течения и, кто толкался, сразу били!

– Так вы были хулиганом!

– Еще каким! Но меня проучили. Кто-то меня толкнул, я – на рожон, и получил удар в челюсть, от которого потерял сознание. Это был олимпийский чемпион в легчайшем весе! А этой весной у нас в проходном дворе студент, к слову, будущий стоматолог, ударил девушку по лицу, она упала головой об угол дома. Я подошел к этому парню: «Ты сам выбиваешь зубы и сам вставляешь?» Ударил его, как учили, между ног. Такого крика я давно не слышал.

– Я поняла: спуску никому не дадите, но расскажите лучше про любовь. Вижу у вас портрет девушки на стене. Ведь не просто так, признайтесь!

– Это Света, дочка Екатерины Алексеевны Фурцевой. У нас был роман. Я как раз развелся, и она тоже была свободна. Мать выдала ее замуж за сына Фрола Козлова – любимца Хрущева. Такой же пьяница, как отец, был, если не хуже. Светка не смогла с ним жить. Ушла, когда забеременела. Родилась дочь, Маринка.

– Почему же вы не сделали предложение любимой женщине?

– Не думали об этом. Я все время мотался. Жили с ней то у меня, то у нее. Знаешь, какой она была? Поступила в МГИМО и в самом начале обучения взяла у матери со стола томик Солженицына и принесла в институт. Ее выгнали сразу, и она перешла в МГУ. Бесстрашная была. Как-то мне позвонили, мол, нарушил что-то с машиной. Говорю Светке: «Съезжу, разберусь!» А она: «И я с тобой!» Она умерла в 63 года, так же как ее мать.

– А на какой аппаратуре раньше приходилось снимать?

– У меня был советский аппарат «Старт», а бленды заказывали в ЦСДФ. Когда пришел в АПН (Агентство печати «Новости»), меня как дежурного фотографа послали снимать генеральную репетицию «Сильвы». Отыграли увертюру, занавес открылся, и я нажал затвор – дирижер упал! Зеркало в «Старте» било так, будто над ухом выстрел прогремел. Меня вывели с репетиции. Был еще случай в Кремле, когда Хрущев принимал африканцев. Прием проходил в зале с люстрой в форме ананаса и полами из изразцов. Бленда (деталь для объектива) упала на эти изразцы. Меня Никифор Трофимович, начальник охраны, выкинул в зашей и еще в агентство позвонил: «Криворуких не присылать!»

– Когда в Мавзолее Ленина снимали, ничего из рук не падало?

– Там другая история произошла. В Мавзолее была еще Майя Скурихина, фотограф из «Правды». Молодой подполковник вытянулся на входе: «Комендант Мавзолея подполковник Каменных!» Я чуть не расхохотался. А он инструктирует: «Значит, так. Снимать можете 15 минут, а готовиться – сколько хотите!» У меня был объектив 300, я готов, а Майя возится. Мне скучно стало, решил пошутить: «Эх, сейчас бы рядом сюда девушку по имени Надежда!» Подполковник Каменных меня чуть не пристрелил!

– Вы с Галиной Леонидовной Брежневой в одно время работали.

– Галина была замечательная женщина! Это теперь ее помоями обливают. Я был у нее на дне рождения в квартире на Кутузовском. Брежнев нам свои костюмы в шкафу с гордостью показывал. Мой лучший друг был Игорь Кио, он жил по соседству, в 20 метрах от меня. Я его спросил про Галю Брежневу: «Ты действительно любил ее?» – «Клянусь! Не потому, что она принцесса!»

– А как вы стали личным фотографом Анатолия Карпова?

– Случай помог! Толя умный был, никого не подпускал к себе. Человек тяжеловатый. Ему позвонил мой друг, спортивный журналист Алик Рошаль, которого я попросил помочь. Толя сначала сказал: «Не хочу!» А потом, когда увидел мои фотографии, согласился. Я пятнадцать лет был рядом. Вот альбом, посмотри: «Анатолий Карпов в фотографиях Дмитрия Донского». Тоже была история. Когда он с Корчным играл в Люцерне, я должен был ехать, а Борис Пастухов, бывший комсомольский вождь, а в то время председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, орал на меня: «Не разрешу делать семейный альбом за государственные деньги!» Я спросил: «А кто будет освещать? Вы?» Он маленького роста был, носил ботинки на каблуках. Я думал: он снимет этот тяжелый ботинок и меня прибьет. Я был личным фотографом Карпова, делал с ним что хотел!

– В смысле?

– В Люцерне Толе сняли виллу какого-то аристократа в горах. Вилла круглая, все комнаты круглые, и даже кровать. Он тогда был женат на Ирине. Захожу к нему: «Толь, ко мне пристают – просят снять тебя с женой в этой круглой кровати!» – «Только чтоб я не видел!» Они спали, а я снимал. На фото две головы торчат из-под одеяла лимонного цвета. Снимок с руками оторвали!

– Представляю. Что снится шахматным гениям?

– Шахматные партии! Помню, снимал турнир в Югославии. После матча в комнате собрались наши гроссмейстеры. Сидят в темноте, без доски, и только слышится: «Слон бьет Е-5», а потом вдруг голос гроссмейстера Толя: «Разыграли 40 ходов!» Я думал, что схожу с ума.

– В вашем альбоме «Параллельные миры» есть потрясающий кадр, запечатлевший двух противников – Карпова и Каспарова. Над чем смеется Каспаров?

– Карпов сделал очередной ход и допустил явную ошибку, а Каспаров, который сразу все понял, засмеялся, загораживая рот рукой, чтобы Толя этого не видел. Каспаров гениален в том, что он партию придумывал от начала до конца. А Толя – игрок! Он решал проблему за доской. С ним никто бы не сел ни в карты, ни в нарды, ни в домино!

– Вот еще роскошный кадр: Роднина спит, а на подушке – золотая медаль! А слезы Родниной на пьедестале не сняли?

– Нет. Меня перекрыли и не пропустили. Это в Америке было. Есть несколько вещей, которые не получилось снять по независящим от меня причинам. Но были случаи, когда кадры появлялись вопреки всему! Мне позвонили из Москвы: «Сними драку». Чехи играли со шведами. Сейчас на хоккейных матчах стекла бронированные, чтобы шайбой не ударили, а тогда я стоял на уровне ворот. Вдруг удар – объектив вдребезги. У меня была с собой вторая камера, но все равно я растерялся от неожиданности. Подходит иностранный фотограф и говорит: «А ты прояви пленку, посмотри, что вышло!» Оказалось, от удара сработал затвор, а потом разлетелся объектив, но кадр получился!

– А какой живописный снимок с падением принцессы Анны на скачках у вас получился! Слово знали, что лошадь сбросит наездницу!

– На Украине был чемпионат Европы. Жара – 40 градусов. Я приехал за день, расспросил тренера: где валиться будут? Он

мне показывает: на двенадцатом препятствии. Соревнования проходили на сельскохозяйственной выставке в Киеве. Рядом со мной из «Рейтера» был фотограф. Он постоянно пил: утром – пиво, вечером – виски. Мы ждем, уже и старт прошел. Я – к солдатику с рацией: «Где валяются?» Он говорит, что на втором препятствии. Я – англичанину: «Пошли!» Бегу туда, а он отстал. Принцесса летит лицом вниз. Повредила три передних зуба. Этот кадр в агентстве не взяли, чтобы не огорчать англичан. Но мне таки позвонили из Лондона, и я отдал им снимок. Тогда деньгами нельзя было взять. Мне присылали баулы с ненужными мне наборами для тенниса, одежду для жены, вина, сыры, сладости.

– Почему вы оставили спортивную фотожурналистику и ринулись, можно сказать, в политику? Такой неожиданный кульбит!

– Я тридцать лет снимал спорт. Настал день, когда я понял, что уперся в стену, иссяк, – так бывает. Но и паркетных съемок я всю жизнь избегал. Помню поездку в Париж, куда с визитом должен был отправиться Михаил Горбачев. Мы с фотографом Юрием Абрамочкиным прибыли за три дня до него. Подошли к дворцу – резиденции, в которой Горбачев должен жить. С нами оператор, журналистка, которая обратилась к полицейскому на французском: «Можно там поснимать?» А у нее была футболка с надписью «Горбачев. Перестройка». Полицейский говорит: «Майку дашь?» Пропустили, и вдруг натыкаюсь на нашу кремлевскую «вертушку» в спальне! Снял. А проявлялись пленки в «Пари Матч». Когда они это увидели, остановили тираж и дали мой кадр с «вертушкой» на разворот!

– А как вы стали личным фотографом Бориса Ельцина?

– Однажды меня вызвал Марков, начальник АПН: «Дим, завтра в три часа будь у Спасской башни!» Я спросил: «Что снимать? Какую аппаратуру брать?» – «Не надо ничего!» Меня встретил офицер, завел в Кремль и посадил около приемной Деда (Бориса Николаевича Ельцина) на старинный диван, на нем еще царь Николай Второй спал. Я задремал, вдруг меня расталкивают. Смотрю: два ратиновых пальто серого цвета – Борис Николаевич и

Коржаков. Он меня и представил президенту: «Ну что, поработаешь с президентом?» – «Ну, давайте попробуем!» Интеллигентно ответил, потому что язык мой – враг мой.

– Четыре альбома Бориса Ельцина...

– У меня ведь все награды за спорт, и только две – за Ельцина. Было бы больше, но сыграло роль, что я «личник». Возможностей было больше, чем у других фотографов. Вот фото 96-го года. Мы в Чечню с Борисом Николаевичем летали. Были в деревне. Вижу – две каски. Появляется Дед и начинает разговаривать с солдатами. А на виске у него вот такой комар, у которого задница надувается от крови, до мозга уже достал, а Ельцин не реагирует. И вдруг смотрю – тень! Рука пошла. Так получился этот кадр. Когда привез материал и мне отпечатали контакты, мой ученик Сережка Гунеев подошел: «Ты что, дурак? На выставку надо!» И сам отправил этот снимок в жюри. В итоге – фотография года в мире!

– Какой приз получили?

– Canon, 2 камеры, – это 11 тысяч «зеленых» денег, объективы и что-то еще. Все новое! Я и студентам преподавал, что все выставочные фотографии – это мелочи, которые происходят в данный момент. Если вы, конечно, не продумали этот кадр заранее. Познакомил меня с Никулиным Игорь Кио. Я позвонил: «Юр, тебя пригласили на прием в честь королевы Елизаветы! Ты обязательно Борису Николаевичу анекдот расскажи!» А он, когда анекдоты кому-то рассказывал, так близко прижимался, чуть не целовал! Я пристроился, где надо, и снял. И Юрке штук 20 таких напечатал!

– Как Наина Иосифовна к вам относилась?

– Хорошо. Как-то мне захотелось снять Деда в домашних тапочках, она его вывела, а я в кустах прятался! На гидроцикле Наина газовала так, что я боялся – вылетит. Щелкал затвором, только пленки отлетали. Дед удивился: «Ты столько пленки отснял? И что, за нее платят или сам покупаешь?»

– Первому лицу не всегда угодишь! Бывало, что Борис Николаевич высказывал недовольствие?

– Один раз сказал: «Не хочу с этим человеком рядом стоять!» – и я убрал фото. Был еще случай на охоте, когда меня наказали на месяц. Когда Дед летал с визитом в Канаду, премьер-министр Малруни его встретил потрясающе. Потом канадец приехал в Москву, и Борис Николаевич взял его на охоту. Меня подняли в двенадцать ночи. Темень. Оказалось, Ельцин и Малруни подстрелили годовалых кабанчиков – матрасничков и позируют на фоне трофеев. Илюшин мне фонарем подсвечивал. Снял. Утром провожаем Малруни, вернулись в Москву, и Ельцин поехал на прощание с убитым милиционером. Я вызвал курьера, отдал ему ночную съемку с трофеями. Кадр запустили на весь мир, а в Канаде «зеленые» поднялись! Малруни грозил огромный штраф. Коржаков меня подзывает: «Голубь, ну-ка, иди сюда! Тебя Андрюша (Андрей Козырев, в то время министр иностранных дел) сдал – принес канадскую газету, где мой снимок на первой полосе. Дед сказал: «Наказать! Исчезни!» Выхожу из Спасской башни. Офицер говорит: «Мне приказали у вас удостоверение отобрать!» Я плюнул и уехал на Кипр. А там артисты театра «Современник» отдыхали. Галя Волчек, Валя Гафт...

– Эпиграммы удостоились?

– Я ходил по кромке моря, одуревший от работы, – делал четвертый альбом по выборам Ельцина, а Валька Гафт лежит и пишет свои эпиграммы. Зовет меня: «Я тут на тебя эпиграмму написал! Димка ходит по песку, посидит под тентом, ни ... нет в голове, кроме президента!» Минут через пять опять подзывает: «Если будешь президенту читать, то замени это слово на «ничего»!»

– На прощании с Борисом Николаевичем в храме Христа Спасителя вы сделали душераздирающий кадр. Наина Иосифовна отдает мужу последний поцелуй...

– Охрана мне сказала: «Снимаешь как раньше, но до четырех.

Потом Путин приедет!» Гроб стоял на возвышении, ниоткуда нельзя было снять крупный план, кроме как из алтаря, – сверху мелкий кадр был бы. Но никто мне слова не сказал. Снял.

– А есть у вас в архиве секретные фотографии, которые не публиковались?

The logo consists of the letters 'MKRU' in a stylized, bold font. The 'M' and 'K' are blue, while the 'R' and 'U' are red. The letters are slightly shadowed, giving them a 3D appearance.

– Я тебе покажу. Хочешь? Только не пиши об этом...

Елена Светлова